

ланта во всякой литературѣ, пока не при-
выкнутъ къ нему (привычка—умъ толпы),
а во-вторыхъ, въ самомъ противорѣчій этихъ
толковъ уже лежитъ безусловное признаніе
необыкновенности таланта. Говорятъ и спо-
рятъ о томъ, что хорошо и что дурно въ
его первыхъ произведеніяхъ; но что онъ
необыкновенный талантъ—объ этомъ гово-
рятъ, но не спорятъ. Нѣсколько невѣжествен-
ныхъ или завистливыхъ голосовъ тутъ ни-
чего не значить. Если какой-нибудь quasi-
критикъ или критиканъ рѣшится объявить,
что произведеніе новаго писателя, возбу-
дившаго своимъ появленіемъ сильное дви-
женіе въ читательскомъ мірѣ, рѣшительно
дурно, что въ немъ нѣтъ ни искры талан-
та, — такой критиканъ поступитъ очень
неразсчитливо въ отношеніи къ самому себѣ.
Самые недогадливые увидятъ ясно, что онъ,
критиканъ, не иное что, какъ жалкая и
купно завистливая посредственность. Но,
съ другой стороны, и преувеличенно востор-
женные похвалы, критическіе гимны и
диамрамбы теперь тоже возможны только
со стороны людей, не могущихъ имѣть ника-
кого вліянія на общественное мнѣніе. Лите-
ратура наша пережила свою эпоху энтузи-
астическихъ увлеченій, восторженныхъ по-
хвалъ и безотчетныхъ восклицаній. Теперь
отъ критика требуютъ, чтобъ онъ спо-
койно и трезво сказалъ, какъ думаетъ
онъ поэтическое произведеніе, а до востор-
говъ, въ которые привело оно его, до сча-
стья, какое доставило оно ему, никому нѣтъ
нужды: это его домашнее дѣло.

Слухи о «Бѣдныхъ Людяхъ» и новомъ,
необыкновенномъ талантѣ, готовомъ поя-
виться на аренѣ русской литературы, за-
долго предупредили появленіе самой по-
вѣсти. Подобнаго обстоятельства никакъ
нельзя назвать выгоднымъ для автора. Для
людей съ положительнымъ, развитымъ эсте-
тическимъ вкусомъ все равно—быть или не
быть предубѣжденными въ пользу или не
въ пользу автора: прочитавъ повѣсть, они
увидятъ, что это такое; но истинныхъ зна-
токовъ искусства не много на бѣломъ свѣтѣ,
а не знатокъ отъ всего заранѣе расхвален-
наго ожидаетъ какого-то чуда совершен-
ства, т. е. фразистой мелодрамы во вкусѣ
Марлинокаго, — и увидя, что это совсѣмъ
не то, что все такъ просто, естественно,
истинно и вѣрно, онъ разочаровывается, и
въ досадѣ уже не видитъ въ произведеніи
и того, что болѣе или менѣе ему доступно
и что, навѣрное, понравилось бы ему, если бъ
онъ не былъ заранѣе настроенъ искать тутъ
какихъ-то волшебныхъ фокусъ-покусовъ.
Несмотря на то, успѣхъ «Бѣдныхъ Людей»
былъ полный. Если бъ эту повѣсть приняли
всѣ съ безусловными похвалами, съ без-

условнымъ восторгомъ, — это служило бы
неопровержимымъ доказательствомъ, что въ
ней точно есть талантъ, но нѣтъ ничего
необыкновеннаго. Такой дебютъ былъ бы
жалокъ. Но вышло гораздо лучше: за ис-
ключеніемъ людей, рѣшительно лишенныхъ
способности понимать поэзію, и за исклю-
ченіемъ, можетъ быть, двухъ-трехъ испу-
гавшихся за себя писаекъ, всѣ согласи-
лись, что въ этой повѣсти замѣтенъ не со-
всѣмъ обыкновенный талантъ. Для первого
раза нечего больше и желать. Со временемъ
та же повѣсть будетъ казаться иной мно-
гимъ изъ тѣхъ, которые сочли преувеличен-
ными предшествовавшіе ей появленію слу-
хи о высокомъ художественномъ ея досто-
инствѣ. Изъ всѣхъ критиковъ самый вели-
кій, самый гениальный, самый непогрѣши-
тельный—время. Впрочемъ, не должно забы-
вать, что романъ Достоевскаго прочтенъ всѣмъ
только въ Петербургѣ, и что только
Петербургъ обнаружилъ свое мнѣніе о та-
лантѣ новаго поэта. Въ Москвѣ еще только
читаютъ его «Бѣдныхъ Людей» и «Двой-
ника» (помѣщеннаго въ февральской книжкѣ
«Отечественныхъ Записокъ»), а въ провин-
ціи еще и не читали ихъ. Мы очень лю-
бимъ и уважаемъ Петербургъ во многихъ
отношеніяхъ, но отнюдь не въ климатическомъ
и не въ эстетическомъ: нигдѣ въ Россіи
такъ много не читаютъ, какъ въ Петер-
бургѣ, слѣдовательно, нигдѣ въ Россіи нѣтъ
такой многочисленной читающей публики,
сосредоточенной на такомъ маломъ простран-
ствѣ, какъ въ Петербургѣ,—и при всемъ
томъ насъ (*chaque baron a sa fantaisie!*)
почему-то всегда интересуется болѣе мнѣніе
Москвы и провинціи о книгѣ, нежели
Петербурга. Мы никогда не говоримъ: «это
сочиненіе такъ хорошо, что даже въ про-
винціи имѣло огромный успѣхъ»; но, на-
противъ, мы какъ-то особенно не распо-
ложены къ сочиненіямъ, которые только въ
Петербургѣ возбуждаютъ общій восторгъ.
Можетъ быть, по этому самому намъ не нра-
вятся стихотворенія Бенедиктова, «Сенсаціи
мадамъ Курдюковой» и всѣ патріотическія
и патетическія драмы, возбуждающія такіе
оглушительные аплодисманы на сценѣ Але-
ксандринскаго театра. Можетъ быть, въ
этомъ случаѣ мы и не правы, но намъ кажет-
ся, что жители Петербурга—ужъ чересчуръ
занятые, чересчуръ дѣловые люди, и потому
едва ли могутъ блистать особенно разви-
тымъ эстетическимъ вкусомъ. Имъ надо что-
нибудь, во-первыхъ, не слишкомъ большое,
а во-вторыхъ, и это главное — что-нибудь
полегче, что-нибудь не слишкомъ требую-
щее углубленія мысли, не слишкомъ вы-
зывающее на размышленіе, словомъ,—такое,
что было бы и коротко, и ясно и не заста-